

употребил в обращении к византийскому императору папа Евгений IV в 1437 г., автор монографии убедительно доказывает, что на самом деле впервые к этому титулу вернулся папа Мартин V в первом послании к императору Мануилу Палеологу в 1418 г. (с. 73–74).

Вместе с тем нельзя согласиться с некоторыми неосторожными формулировками автора исследования, как, например, с утверждением о том, что “византийцы традиционно считали главным препятствием для заключения унии чисто догматический спор о *filioque*, и все остальные пункты казались им второстепенными” (с. 191). Для авторов XII–XIII вв. разногласия по поводу опресноков были не менее важными, чем спор о *filioque*². Это замечание справедливо и для авторов XIV в.³ Досадным упущением кажется и некоторая неполнота библиографии. Важной частью исследования является раздел, посвященной внешней политике Мануила II Палеолога. В связи с этим необходимо было бы указать статьи С. Райнерта⁴ и Э. Захариаду⁵, а также письма, полемические трактаты и речи императора Мануила II Палеолога⁶. Автор весьма уместно ссылается на высказывание Димитрия Кидониса, призывавшего византийцев “отказаться от чувства превосходства над другими народами” (с. 199). К сожалению, автор не указывает источника цитирования. Также вызывает удивление тот факт, что хроника Георгия Сфрандзи цитируется не по оригиналу, а по монографии Ван Дитена.

Высказанные замечания ничуть не умаляют общего благоприятного впечатления от книги, основные выводы которой представляются весьма небанальными и хорошо обоснованными. Без всякого сомнения, монография Н.Г. Пашкина внесла весомый вклад в изучение поздневизантийской дипломатии.

К.И. Лобовикова

Eastmond A. Art and Identity in Thirteenth-Century Byzantium: Hagia Sophia and the Empire of Trebizond. Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs, Vol. 10. Ashgate: Variorum, 2004. 208 p.

Вопросы идентичности занимают не последнее место в трудах византинистов, да и медиевистов вообще, в последние десятилетия. Английский византинист-искусствовед Энтони Истмонд разбирает проблемы идентичности Трапезундской империи на материале архитектуры и фресок Святой Софии Трапезундской, стремясь определить, как один из трапезундских императоров, Мануил I Великий Комнин (1238–1263), оформлял свои претензии на константинопольское наследие.

Ключевой вопрос исследования – какой образ Византии предлагали претенденты на константинопольский престол своим возможным последователям? Что представляла собой византийская идентичность первой половины XIII в. и как она формировалась в разных “государствах-наследниках”, стремившихся отбить столицу у латинян? Необходимость формирования новой идентичности обуславливалась уже тем, что все традиционные символы власти и могущества империи и лично императора были утрачены с потерей Константинополя. Э. Истмонд подробно разбирает никейскую модель византийской идентичности, уже хорошо исследованную и считающуюся общевизантийской, но отдельно подчеркивает и новый

² Бармин А.В. Полемика и схизма. История греко-латинских споров IX–XII вв. М., 2006. С. 518–656 (Рус. пер. одного из антилатинских трактатов Е.); *Он же*. “Опровержительные слова” Евстратия Никейского. М., 2008 (в печати).

³ Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом и другие сочинения / Пер. и коммент. Г.М. Прохорова. СПб., 1997.

⁴ Reinert W.S. Manuel II Palaeologos and His Müderris // *The Twilight of Byzantium, Aspects of Cultural and Religious History of the Late Byzantine Empire. Papers from the Colloquium Held at Princeton University 8–9 May 1989.* Princeton, 1991. P. 39–51.

⁵ Zachariadou E. Manuel II Palaeologos on the Strife between Bāyezīd I and Kādī Burhān al-Dīn Ahmad // *BSOAS.* 1980. 43. P. 471–481.

⁶ *Manuel II Palaiologos. Dialoge mit einem Muslim, I, Kommentierte griechisch-deutsche Textausgabe von Karl Förstel.* Würzburg; Altenberg, 1993; *The Letters of Manuel II Palaeologus / Ed. G.T. Dennis.* Washington DC., 1977.

аспект – акцент на греческой, именно этнической идентичности Византии и ромеев. Нет никаких свидетельств о выработанной в Эпире идентичности, но этого нельзя сказать о Трапезунде. Титул Мануила, “император и автократор ромеев”, говорит о претензиях на наследство Византийской империи. Можно ли проследить, как визуально представлял себе и подавал своим подданным новый император свою власть?

Никейская историография последовательно отказывает трапезундским правителям и в титуле императора, и в признании греческого ромейского характера их империи, пытаясь принизить значение происхождения Великих Комнинов от константинопольских Комнинов, период правления которых уже тогда казался “золотым веком”. Мануил должен был утвердить свое право на императорский титул и на константинопольский престол (пусть даже теоретически) в глазах своих подданных и всей Малой Азии (поскольку власть византийского императора – власть универсальная), создавая внешнее выражение своих прав и претензий.

Когда шло строительство церкви Св. Софии Трапезундской, надежды на возвращение Великих Комнинов в Константинополь были уже потеряны, и они начали превращать Трапезунд в новую столицу империи. Строительство дворца, коронационной церкви (Панагия Хрисокефалос) и церкви во имя святого покровителя Трапезунда (святого Евгения) Мануил продолжил строительством династического мавзолея, вынесенного за черту города, что изменило маршрут имперских процессий и придало им особую пышность и значительность. Кроме того, Мануил собирал все доступные ему традиционные символы божественного покровительства: иконы и реликвии, из которых особенно важная – части Истинного Креста.

Святая София, династическая усыпальница, строилась как часть монастыря за чертой города. Было приложено много усилий, чтобы здание производило сильное внешнее впечатление. Церковь совсем не походит на известные образцы византийского зодчества; некоторые параллели, но не точные соответствия, можно найти скорее в грузинской архитектуре. При этом заказчики и строители явно не видели противоречия в объединении элементов различных традиций и воспринимали храм как целостное произведение. Выделяются подиум, на который поднята церковь, и три тщательно оформленных крыльца-портала, особенно южное. Подиум служит непосредственно усыпальницей (именно наличие в нем гробниц и их расположение наводят автора на мысль о том, что София задумывалась в том числе и как фамильная усыпальница Великих Комнинов, при этом исследователь предполагает начатки индивидуального культа императора, поскольку лишь один был захоронен непосредственно в храме). Но кроме того, и подиум, и порталы несут дополнительную функцию: структурирование ритуалов и процессий. Над нартексом есть маленькое труднодоступное помещение без окон; Э. Истмонд считает его сокровищницей; если его предположение верно, то оно лишний раз подтвердит особое значение церкви для трапезундской династии.

Уникальность церкви проявляется в планировке, архитектуре и декоре. Особое внимание привлекает скульптурный фриз на южном портале церкви. Сюжет этого фриза – изгнание Адама и Евы из рая и их возвращение туда по милости Христа (по литургическому, а не библейскому тексту). Очевидно, предполагается параллель с потерей Комнинами Константинополя и их предполагаемом возвращении туда. Перед нами выражение традиционных идей милости Христа отнюдь не традиционной для Византии техникой, которая отлично вписывается в региональный контекст. Как истолковать это явление? Мануил использует местных мастеров, чтобы выразить их средствами старые идеи? Или он сознательно пытается найти новую форму для новой концепции власти? Или же это знак того, что империя Великих Комнинов превращается в региональное явление и всего лишь использует те же средства самовыражения, что и соседи? Остальные скульптурные украшения церкви считались работой в сельджукском стиле. Э. Истмонд доказывает, что следует говорить скорее об “анатолийском” стиле, не связывая его ни с каким определенным этносом. В целом архитектура и уличный декор храма характеризуют империю Великих Комнинов как претендующую на универсализм власть над разными народами на территории Малой Азии. Создается новый образ Византии – поликультурное, а не только полиэтничное, общество (в контраст с никейской идеей), подчиненное одному главе, который охотно собирает знаки власти, традиционные для каждой из подчиненных ему (пусть даже теоретически) культур.

Интерьер производит двойное впечатление: живопись носит традиционный византийский характер, но общее впечатление абсолютно уникальное из-за большего пространства и освещенности. Кроме того, колонны находящиеся внутри и формирующие интерьер, были поставлены после составления плана церкви и начала работ. Важность их присутствия обусловлена

происхождением: это явно константинопольская работа, *spolia*. Использование *spolia* для визуального обоснования легитимности известно для предыдущих периодов, и здесь колонны служат той же цели. Росписи интерьера полностью соответствуют византийским традициям. Программа фресок имеет параллели в современном искусстве, но все они подчинены идее акцентирования императорской фигуры и власти императора. Зрителю навязываются ассоциации между императором и Христом, Трапезундом и раем, происхождением Великих Комнинов и древом Есеевым и т.п. Художники оставляют намеки на военные победы императора. Стиль же росписей абсолютно уникален. Схожие тенденции – работа с объемом, массивностью фигур и динамизмом – присутствуют в современном искусстве, но на этом сходство заканчивается.

Наконец, Истмонд переходит к рассмотрению фигуры самого императора. Для этого он использует изображение Мануила на стене Святой Софии. Само изображение не сохранилось, но есть его словесное описание и акварельная зарисовка XIX в. Мануил изображен не в византийских одеждах. Очевидно, он ориентировался не строго на константинопольские, но и на локальные представления о том, как может и должен выглядеть наделенный высшей властью человек. Вместе с тем очевидны и тенденции, характерные для всех претендентов на константинопольский престол: поддержка локального культа (медальон со святым Евгением) и использование в качестве символа власти двуглавого орла.

Автор считает, что трапезундская концепция византийской власти во многом отличается от традиционной константинопольской и учитывает политические реалии современности. Это более гибкая и терпимая идея, чем победившая в Константинополе в 1261 г., с возвращением туда Михаила VIII Палеолога. Видение империи самими Великими Комнинами – идеал, объединяющий множество культурных вариаций, но при этом анатолийские мотивы покрывают византийскую суть. Мануил сознательно сочетал локальные и константинопольские традиции для создания такого образа власти, который найдет поддержку в его государстве. Но даже если предположить, что все проанализированные явления – результат подсознательно принятых решений и несформулированных представлений о том, “как надо”, результат поражает еще сильнее. В таком случае мы имеем иллюстрацию не личных идей Мануила, но представлений его подданных о том, что должна являть собой империя, их интерпретация византийской власти, персонифицированной в Мануиле. На практике, очевидно, оба подхода сочетались. Образ Мануила и его власти формировался не только его личными желаниями, но и представлениями его подданных о том, каким он должен быть.

Э. Истмонд рассматривает архитектурный и художественный памятник в контексте эпохи, учитывая экономические и политические реалии Анатолии XIII в. Это, несомненно, один из лучших образцов использования памятника искусства и искусствоведческого анализа в работе историка. В книге очень много фотографий, планов, прорисовок, позволяющих сопоставить все утверждения автора непосредственно с анализируемым материалом. Безусловно, рассматриваемая работа заслуживает самых высоких оценок.

М.С. Меньшикова

Стратегикон Маврикия / Издание подготовил В.В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2004 (Серия “Византийская библиотека. Исследования”). 244 с.

Значительно выросший за последнее время интерес к истории войн и военному делу способствовал появлению значительной литературы по теме не только академической, но также научно-популярной. Среди научных трудов важное место занимают публикации источников, часть которых была в последнее время переведена на русский язык впервые. В 2002 г. известный волгоградский византист В.В. Кучма, более 30 лет изучающий военное дело Византийской империи, выпустил в свет новый перевод трактата *De velitatione bellica* и первый полный перевод трактата *De castrametatione*¹. Затем исследователь обратился к более основательному и более древнему памятнику: “Стратегикону” Маврикия, подлинной энциклопедии для сухо-

¹ Два византийских военных трактата конца X века / Издание подготовил В.В. Кучма. СПб., 2002.